

фото Виктора Горачева

языке!» Какие после этого вопросы, еврей я или нет? Еврей!
— Выходит, израильское гражданство у вас в кармане?
— Тебе лишь бы посмеяться! А наш продюсер после первых триумфальных спектаклей сказал, между прочим, что если мы сумеем покорить Иерусалим, где мало кто празднует викторию, то тогда получим полное право претендовать на израильский паспорт. Иерусалимскую публику нужно уметь взять. Я человек скромный, поэтому скажу прямо: успех был бешеный! Хлопали двадцать минут, тридцать, мне показало, целую вечность! Теперь я буду часто ездить в Израиль, в течение года хочу показать практически весь сегодняшний свой репертуар — «Служанки», «Любовь с придурком», «Бабочки, бабочки», «Фердинандо», «Рогатка», «Священные чудовища», «Философия в будуаре» по маркизу де Саду...

— Маркиза — в Израиль? В богохульстве не обвинят? Если уж в Москве спектакль не приняли...

— С чего ты взял?

— Критики пишут.

— А я газеты не читаю. Зачем? Я же знаю многих из этих критиков. Большинство из них импотенты. Если человек не погружен в секс, то, конечно, для него мой спектакль — исчадие ада. Маркиз не виноват, что кто-то хочет, но не может, в итоге давит в себе желание и срывает злость на окружающих.

Бетховен правильно говорил, что глупо мухе или слепню пытаться остановить бег ретивого коня. Лучше посторониться. Тем более что все равно окружающие запомнят коня, а не жужжащую над ним муху.

— Значит, вы и есть тот бетховеновский конь?

— Так скажу: меня зудеж критиков сопровождает всю жизнь. Это пошло с самого первого моего спектакля, который назывался «Все это не так просто». Не было ни одной постановки, за которую меня не ругали бы.

— Ладно, раньше вы махались с критикой, с чиновниками от культуры, но сейчас-то вам начинают открыто крутить фига ваши бывшие коллеги и ученики. Чего стоит один конфликт с блиставшим некогда у вас актером Сергеем Виноградовым!

— Не хочу я заводить новый виток этих разборок...

Нищие когда-то ведь сказал, что Бог умер, но свято место пусто не бывает. Бал правят деньги и расчет. Да, раньше мне не приходилось сталкиваться со столь извращенной психологией у молодых артистов. Значит, с обществом, со всеми нами что-то происходит.

Неужели ты хочешь, чтобы я опять рассказывал детали грязной истории о том, как Сережа Виноградов, которому я придумал артистический имидж и который возмнил себя звездой, стал шабашить со спектаклем «Коллекционер», катаясь по всей стране и прикрываясь

маркой театра Виктюка? Закончилось все тем, что Сережа в обмен на право использовать наше имя предложил мне взятку.

— Большую?

— Не знаю! Принес что-то, завернутое в газетку... Ой, оставим эту тему, достаточно того, что я подаю на Сережу в суд. Дальше так продолжаться не могло: мир зла и мой безмерный наив, помноженный на веру в человеческую порядочность, должны были рано или поздно войти в клинч.

Мне Костя Райкин недавно подарил замечательный парфюм — редкий, ценный. А я говорю Косте: «Ты дал бы мне что-нибудь для защиты от людей...»

— Вы продолжаете регулярно ставить спектакли в Италии. Там с вами таких скандалов-казусов не случается?

— О чем ты говоришь? Европа — цивилизованные люди! Сейчас буду готовить постановку с Манфреди, известным артистом. Кажется, мне по контракту осталось сделать еще три премьеры.

— Правда, что ваши дороги с театром «Современник» разошлись?

— Как разошлись, если я только что оттуда, с репетиции? Все ты знаешь наоборот! Тургенев, «Месяц в деревне» с грандиозной Мариной Нееловой. Она репетирует фантастически. Сначала у нас был «Адский сад», теперь новая работа. Маша умничка, она не обижается, как другая народная актриса из «Современника», что на репетициях я могу матом покрыть. Это же не со злости...

— Выходит, Лия Ахеджакова вас так и не простила?

— Зачем спрашиваешь? Опять поссорить хочешь? Вдруг она потом не пойдет звать людей на баррикады и меня во всем обвинять? Да, я скромный человек, поэтому напомним: когда я пришел в «Современник» ставить «Квартиру Коломбины», Лия не играла в театре главных ролей на протяжении шести или семи лет. А я взял ее сразу на

четыре роли в «Квартире». Потом были «Стена», «Мелкий бес». Если задуматься, Петрушевская, Сологуб и Галин — это совершенно разные драматурги. Но во всех спектаклях Лия играла человека, связанного главной людской заповедью — любить и быть любимым. Подозреваю, что до меня никто не соединял воедино Ахеджакову и секс, не создавал такой образ. В моем понимании, секс Лии очень целомудрен. Я вижу в ней нереализованную сексуальную и любовную женскую потенцию. Считаю, что Лия всякий раз потрясающе играла свои роли. Я и сейчас перед каждой постановкой о ней думаю. Зачем же на меня обижаться из-за каких-то слов, сказанных на репетиции?

Но, думаю, ты преувеличиваешь степень обиды Лии. Когда в «Поле чудес» выиграл ящик кофе, то поделился со всеми и Лия тоже взяла несколько баночек. Кстати, ты знаешь, что в той программе я еще и корову выиграл?

— Какую корову?

— Вот! Телевизор не смотришь! Какую корову? Живую, конечно.

— И что вы с ней сделали?

— Ее отвезли обратно в колхоз и даже моего согласия не спросили. Зато теперь меня по всей стране вопросами о корове терроризируют: где корова, как корова?

— Потребуйте от Якубовича, чтобы хоть молоко вам давал бесплатно.

— Хорошая была коровка, я ее даже полюбить успел. Это, наверное, оттого, что я раньше никогда так близко к живой корове не подходил, как в студии «Поля чудес». Во время записи передачи на мне была такая длинная красная рубашка — очень красивая, от Валентино, и я как увидел корову, так и стал от радости размахивать руками. Я же не знал, что не только бык красного цвета боится! Даже хотел сдуру обнять животинку. Корова от страха не убежать стала, а наоборот — прижалась ко мне. Так мы вместе и ушли под аплодисменты присутствующих. А потом увели коровку. Может, надо

диозных артисток. Будет такое женское кабаре. Думаю, Неелова должна сыграть Гитлера.

Но к этой постановке нужно хорошенько подготовиться. Это ведь будет бомба: Гитлер, женщины, играющие мужчин. Это даже не маркиз де Сад.

— Скучно вам без скандалов.

— Не могу по-другому. Поздно меняться, да и сколько мне уже осталось? Я же не зря сказал тебе в самом начале: Виктюк всегда на сцене. Даже когда занавес опущен.

— Что-то вы резко посерьезнели, Роман Григорьевич.

— Я человек реальный. Это только в театре после окончания спектакля мертвецы встают и выходят на поклон к зрителям. В обычной жизни обычно умирают по-настоящему. Театр — это всегда спасение, молитва и радость. Если этого нет, тогда все бессмысленно. А скандал — это фонтан, это выброс, это фейерверк.

— Нет на вас коммунистов. Они бы вам и вашим артистам быстро все эти чечирки, торчащие из штанов, поотрезали, и повод для скандала исчез бы.

— Разве только нам поотрезали бы? Импотенты всех с радостью кастрируют.

Да, перспектива светлая, ничего не скажешь... Хорошо, если у кого-то уже висючка, не так обидно, а если чечирка действующая? Жалко будет расставаться, продленка могла бы быть в жизни...

Если же говорить серьезно, то я стараюсь о плохих вещах без крайней нужды не думать. Глупо себя травить, если выхода все равно нет. Я даже когда-то своим артистам наказывал: едва завидев меня, улыбайтесь, за спиной можете ругать последними словами, а в глаза — только хорошее. «Обманите меня! Обманите совсем, навсегда, чтоб не думать, зачем, чтоб не помнить, когда... Обманите и сами поверьте в обман...» В лицо человеку надо говорить исключительно хорошее. Я так считаю.

— Можно было бы поспорить, но не стану. Лучше скажите, давно ли вы эту забаву со своим автоответчиком придумали?

— Ты о стихах, которые я читаю вместо обращения? Это ведь тоже игра. Я создаю настроение себе и тем, кто мне звонит. Играю давно и не брошу до тех пор, пока буду получать от этого занятия удовольствие. Кстати, заметил: чем радостнее читает, чем веселее у меня тон, тем меньше звонков до меня доходит. Некоторые не выдерживают, бросают трубку.

— Завидуют оптимизму?

— У них спроси. У меня всегда настроение хорошее. Если что, всегда музыку послушать можно. Помогает.

— Кстати, о музыке. Как-то вы рассказывали мне о планах пополнения домашней фонотеки за счет систематических ограблений магазинов компакт-дисков...

— Ты с ума сошел! Я никогда компакт-диски не воровал. Да, иногда думаю, что эта музыка нужна только мне, что другие ее не понимают, поэтому я разрабатываю планы, у меня есть даже целая схема, как незаметно выносить CD из магазинов, но чтобы самому... Меня все торговцы знают — и в Москве, и в Риме, и в Нью-Йорке. Они мне почти друзья. Как тут украсть? Неудобно.

— А с книгами?

— Честно скажу, где в последний раз унес. Дело было в Италии, куда меня пригласили на очередной всемирный симпозиум по театру. Я выступал, рассказывал о «Служанках», а потом в силу профессиональной привычки книголюба забрал в местную библиотеку. Смотрю: лежат прекрасный альбом моей любимой Марии Каллас и толстенная антология мировой хореографии. Книги словно специально меня ждали! Я поговорил с библиотекарями и понял, что те даже не знают, какое у них есть богатство, полагая, что эти книги в хранилище еще не поступали. Раз, думаю, книги у вас пылятся, а вы и не подозреваете об этом, значит, они вам не нужны. Сам Бог велел мне их забрать. Я и забрал.

— Никто вас не остановил?

— Что ты! Меня же в Италии обожают. Посмотри на мое лицо. Кто подумает, что я могу украсть?

— Угрызения совести не мучают?

— Абсолютно! Книжки печатают для того, чтобы их читали... И вообще это за границей было. Отстань!

Андрей ВАНДЕНКО.

Дело было в Китае. Как-то утром я ждал лифт в гостинице. Вдруг дверцы открываются, и я вижу внутри живого товарища Зюганова

было ее вместо кофе подарить Лии Меджидовне, чтобы ты ничего не думал?..

— Я, Роман Григорьевич, не думаю, я, извините за выражение, спрашиваю. Допустим, Ахеджакова вас простила, но ответьте, к примеру, приходилось ли вам наталкиваться на отказ актеров работать с вами? Так, чтобы вы их хотели, а они вас — нет?

— Нет, я всегда приходил в тот театр, где меня ждали. Ситуация иная: ждал, в последнее время я вынужден все чаще отказываться от новых предложений, хотя и понимаю, что надо найти время и поставить спектакли с Ириной Мирошниченко, Татьяной Дорониной, Людмилой Максаковой в главных ролях. По этим долгам я обязан расплатиться.

У меня даже свести всех этих актрис в одном месте. Есть такая пьеса «Мой друг — Гитлер». Там действуют только четыре персонажа — фюрер и его окружение. Я хочу во всех мужских ролях занять наших гран-

Сцена из спектакля Виктюка «Философия в будуаре»

